

Банникова Елена Вадимовна

**МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ДОРЕФОРМЕННОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЙ**

Статья раскрывает смысловое содержание различных моделей исторического развития в рамках теории модернизации. Основное внимание уделяется выявлению степени соответствия положения провинциального дореформенного купечества губерний Урала критериям различных модернизационных концепций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 16-20. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

потенциальные ценности. Во всех иных случаях, а именно – при новых сюжетно-эмоциональных коллизиях и старых семантико-синтаксических связях или тривиальной картине мира при попытке обновления отдельных выразительных средств, возникают ценности относительные или актуальные. Снятые более сильными творческими индивидуальностями, они теряют свое значение в перспективе истории.

Список литературы

1. **Арановский М. Г.** Антиутопии Шостаковича // Русская музыка и XX век. М.: Гос. ин-т искусств Мин. культ. РФ, 1997. С. 213-250.
2. **Столович Л. Н.** Ценностная природа категории прекрасного и этимология слов, обозначающих эту категорию // Проблема ценности в философии. М. – Л.: Наука, 1966. С. 65-80.
3. **Холопова В. Н.** Музыка как вид искусства. М.: Московская государственная консерватория, 1991.
4. **Чайковский П. И.** О музыке, о жизни, о себе. Л.: Музыка, 1978.

TO THE QUESTION ABOUT VALUE LEVELS CRITERIA IN ARTISTIC CREATIVITY

Aida Abdrakhmanovna Almazova, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Department of Philosophy
Tatar State Classical-Pedagogical University in Kazan'
aida_almazova@mail.ru

The article is devoted to clarifying objective value criteria in artistic creativity. The author suggests the system-semiotic approach with the division of the whole range of the questions connected with value into three hierarchic levels – pragmatics, semantics and syntactics and tries to reveal the problem of artistic discovery considered as innovatory principles manifestation at all the levels of semiotic system.

Key words and phrases: axiology; semiotics; objective value and estimation; absolute and relative values; pragmatics; semantics; syntactics; artistic discovery.

УДК 316.422

Статья раскрывает смысловое содержание различных моделей исторического развития в рамках теории модернизации. Основное внимание уделяется выявлению степени соответствия положения провинциально-дореформенного купечества губерний Урала критериям различных модернизационных концепций.

Ключевые слова и фразы: теория модернизации; линейная, многолинейная, акторная, парциальная модели модернизации; «догоняющая» модернизация; «запаздывающая» социальная эволюция; повседневность; провинциальное купечество.

Елена Вадимовна Банникова, к.и.н., доцент
Кафедра истории России
Оренбургский государственный педагогический университет
ida777@yandex.ru

**МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ДОРЕФОРМЕННОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЙ®**

Современная историческая наука переживает глубокую внутреннюю трансформацию, которая проявляется в смене исследовательских парадигм и приоритетов, языка истории. Пытаясь разрешить общий кризис исторического знания, ученые разрабатывают новые подходы и новые идеи, в том числе обращаются к категории «повседневность» как к одному из вариантов выхода из этого кризиса. При этом, несмотря на то, что повседневная жизнь, в первую очередь, определяется уникальной индивидуальностью человека, социальные и материальные параметры жизни его задают определенную матрицу повседневности, которая определяет пределы индивидуализации повседневной жизни. В результате микроистория отдельного человека или некоего сообщества оказывается жестко вписанной в более широкую историческую канву. Здесь же возникает новая проблема: исходя из какого подхода следует рассматривать эту историческую панораму, какая из имеющихся в распоряжении историков концепций наилучшим образом соответствует задаче сочетания микро- и макроисторического анализа? В данном случае речь пойдет о тех исторических теориях, которые можно применить в изучении повседневной жизни провинциального купечества Вятской, Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период.

Современные исследователи социальной истории России все чаще предпочитают основывать свои работы на модернизационной теории, рассматривающей исторический процесс как переход от аграрного общества через индустриальное к государству всеобщего благосостояния или постиндустриальному государству. Модернизация рассматривается как длительный (или, скорее, длящийся) процесс, охватывающий различные сферы жизни общества. Авторы обнаруживают разнообразные типы модернизационных процессов, в зависимости от изучаемой территории и хронологических рамок исследования.

Сторонники *линейной модели* модернизации (В. Ростоу, Д. Лернер, М. Леви) признавали, что она вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. Модернизация считалась необратимым и прогрессивным процессом [17; 23; 24].

Однако эта концепция, как правило, не находит своего подтверждения на провинциальном материале. Так, согласно Даниэлю Лернеру, модернизация – это своего рода ментальный сдвиг, достижение особого состояния рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям. Анализируя на эмпирическом материале модернизацию стилей жизни, Д. Лернер наибольшее внимание уделял росту мобильности населения, распространению грамотности и средств массовой информации. Но в процессе изучения истории дореформенного уральского купечества не нашлось никаких аргументов в пользу такого «ментального сдвига» в сознании уральских предпринимателей [1]. Согласно социологу Мариону Леви, общество является «более или менее модернизированным в зависимости от того, как широко его члены используют неодушевленные источники энергии и/или применяют машины, чтобы умножить эффект собственных усилий». Но анализ трудовой сферы повседневной жизни уральского купечества свидетельствует об отсутствии широкой автоматизации купеческих предприятий [4].

В России такой линейный подход к историческому развитию характерен для ведущего исследователя в области социальной истории России Б. Н. Миронова. Согласно его точке зрения, «к концу XIX в. “средне-статистический” русский город стал по своей величине средним. Это имело важные последствия» [10, с. 289]. Однако в губерниях Урала численное преобладание имели малые города, мало отличающиеся по своей сути от сельских поселений, а губернские центры, как правило, представляли собой военно-административные центры, не располагающие прочной торгово-промышленной базой [2]. Предложенный государством темп модернизации опережал возможности общества и готовность его к переменам.

В 1970-1990-х гг. были сформулированы положения *многолинейной модели* модернизации (В. Цапф, П. Штомпка, А. Турен [18; 21; 22] и др.). В рамках этой концепции авторы обращали внимание на допустимость национальных моделей модернизации; на положительную роль социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), обладающих возможностью повлиять на трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства; на признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации (отдельные акторы могут отвергать движение по пути модернизации, если они имеют доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства); на некорректность интерпретации модернизации как непрерывного процесса. Исследованиям, осуществленным в рамках данной теоретической модели, был присущ отказ от жесткого детерминизма любого толка – экономического, культурного, политического, когнитивного и т.д., акцент на комплементарном, взаимодополняющем характере взаимосвязей между различными социальными факторами и системами [14]. Данная модель была более восприимчива к микроанализу, что является несомненным плюсом в ее использовании применительно к повседневной истории. Однако эта модель трактовала модернизационные процессы предельно широко. Под понятие «модернизация» в данном случае подходили любые изменения, происходящие в разных регионах мира в различные хронологические периоды.

В работах финского исследователя, доктора социологии Тимо Пиирайна [26] модернизационная теория (ее *акторная модель*) была соединена с повседневностью. По его мнению, человеческая возможность выбора особенно актуализируется в периоды больших исторических трансформаций, к числу которых относится процесс модернизации. Именно в такие эпохи человек действительно превращается в «точку бифуркации»; контуры будущего общества, траектории развития в подобные периоды оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека. Предлагаемый ученым подход сводится, таким образом, к сосредоточению внимания, в первую очередь, на повседневной жизни обычных людей, выявлению основных путей и стратегий, которые они используют, чтобы справиться с трудностями переходного периода.

Т. Пиирайнен, вслед за Р. Пайпсом, характеризовал систему правления в императорской России как «патримониальную» (соединение политической власти и собственности). В России, по его мнению, импульсы к модернизации не могли возникнуть «снизу», в силу того что в обществе не было независимых экономических и социальных факторов. Поскольку в таких условиях социальные и экономические формы практически навязывались обществу силой, результатом становилось специфическое сосуществование современных и архаических социальных форм и институтов. Общество коснело под тяжестью бюрократического аппарата, созданного для внедрения современных практик. Усилия, направленные на осуществление грандиозных проектов, сопровождались понижением уровня жизни и снижением покупательной способности большинства населения [15, с. 215-216].

В кругах российской буржуазии существовали в это время сильные опасения в отношении слишком стремительных, по ее мнению, перемен в обществе: взрывной рост городов вызывал внезапные и весьма явные социальные проблемы. Экономические изменения содержали в себе угрозу традиционной экономической власти. Новые идеи о человеке и обществе открывали перспективу других общественных систем, которые считались весьма опасными. В результате многие в кругах буржуазии обращались за защитой к государству и видели в нем силу, которая была предназначена для противостояния переменам [12].

В то же время существуют приверженцы и других исторических концепций (Дж. Бушнелл, В. Шелохаев), в рамках которых исследователи делают вывод о существующей в России XVIII-XX вв. альтернативе развитию под бдительным государственным контролем [16]. По их мнению, «наблюдался процесс поэтапной утраты самодержавием ролевых функций “лидера государства” и “проводника модернизации”, а осуществляемый “сверху” модернизационный процесс вел не к стабилизации, а к нарастанию конфликтности во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения, к обострению противостояния между властными и общественными структурами» [Там же, с. 90-91]. На российском купечестве, по мнению исследователей, эти процессы сказались не лучшим образом. «Уход монархии от прямого участия в хозяйственной деятельности (она сохраняла контроль лишь над главными отраслями военной промышленности) не только не помог ничем среднему классу, но и поставил его перед лицом конкуренции со стороны крестьян и дворянства, которая была еще неотвратимее, чем царские монополии, и поэтому представляла собою еще худшую опасность» [13, с. 293-294].

При этом в современной отечественной литературе почти не найдена использованная модель *парциальной (частичной) модернизации*, сторонники которой (А. Д. Богатуров, А. В. Виноградов) [5] акцентируют внимание на длительности перехода от традиционности к современности, на симбиозе традиционных и модернистских элементов, на возможности «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Среди характерных черт подобных обществ называется недостаточная развитость всеобщих социальных связей, товарно-денежных отношений, такого универсального механизма обмена, каким является сложившийся единый национальный рынок. Иная в них роль и понимание денег, снижены возможности освоения и массового распространения инноваций, особенно если они касаются социальной сферы, области человеческих отношений. Глубокие сдвиги происходят в понимании традиционного авторитета и политической власти, обычного права и юридически оформленного закона, локальных территориальных структур и государства, роли и ценности отдельной личности в обществе и истории и многом другом.

Если же выделять характеристики общества немодернизированного, то, по мнению М. Леви, ему были присущи: 1) низкая специализация организации, компартиментализация (изоляция, замкнутость, отделение) жизни; 2) низкая взаимозависимость организаций (высокий уровень самообеспеченности, самодостаточности); 3) акцент в сфере социальных отношений и культурных норм на традицию, партикуляризм, функциональную диффузность; 4) низкая степень централизации; 5) неразвитость денежного обмена и рынка; 6) превалирование семейных связей, норм; nepотизм (кумовство, семейственность, протекция родственникам) как ценность [25]. В. Г. Федотова дополнила эти признаки традиционного общества следующими характеристиками: господство традиции над инновацией; зависимость в организации социальной жизни от религиозных и мифологических представлений; ориентация на прошлое; преобладание мировоззренческого знания над научным и над технологиями; ценностная рациональность; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса в материальной сфере и консюмеризма; особый психический склад – недействительная личность (тип Б) [19]. И именно эти характеристики, как показывают исторические примеры [1; 3], как раз наиболее полно отражают состояние купечества на Урале в дореформенный период, что свидетельствует о его традиционализме.

Модернизация общества предполагает его изменение по схеме: новация (новшество) – инновация (новообразование) – стереотип (С. Н. Гавров) [7]. При этом трансформация традиционного общества не воспринималась как таковая, поскольку процесс превращения новаций в стереотипы был крайне растянут во времени, а сама новизна была мировоззренчески неприемлема для большинства членов этого социума. По мнению Гаврова, начиная с реформ Петра I, российский модернизационный цикл был разорван. Его инициировало и поддерживало государство, общество во многом играло комплиментарную, вспомогательную роль [8]. В результате применительно к таким традиционалистским обществам, к которым принадлежали и российские провинциальные социумы, можно вести речь не о классической, а именно о частичной модернизации (А. Д. Богатуров, А. В. Виноградов), «догоняющей» модернизации (В. Г. Федотова) или «запаздывающей» (нелинейной, с элементами инволюции) *социальной эволюции* (А. В. Бузгалин) [6]. Сторонники этих концепций акцентируют внимание на длительности перехода российского общества от традиционности к современности, на возникшем в нем симбиозе традиционных и модернистских элементов, на возможности его «застревания» на стадии «частичной» модернизации, на постоянной, нелинейной и запаздывающей (по сравнению с наиболее развитыми странами) трансформации российского социума.

При этом именно понятие «эволюция», очевидно, более точно определяет процесс трансформации российского провинциального социума в дореформенный период. Основными принципами эволюции являются стремление к сохранению идентичности и адаптация к внешним условиям. Эволюционный процесс основан на способности социальных систем приспосабливаться к условиям внешней среды путем подбора способов функционирования. Вариации имеют, как правило, случайный характер, и большая часть из них выбраковывается в результате взаимодействия с внешними условиями. Наиболее эффективные стратегии выживания затем закрепляются через нормы морали, законы, социальные институты и т.п. [9]. В провинции адаптация

к изменяющейся ситуации могла происходить и в пассивной форме. В таком случае она выглядела как ожидание возможного обратного изменения либо как привыкание к изменившимся условиям. И хотя привыкание в принципе тоже может рассматриваться как обновление особого рода, его кардинальным отличием будет отсутствие внешней активности. В связи с этим в рамках модернизационного подхода можно выделить эволюционную линию развития, по которой преимущественно и шло развитие провинциального купечества.

Историческое развитие России в конце XVIII – первой половине XIX вв. в результате противоречивого сочетания правительственных модернизационных инициатив и пассивного наблюдения за ними основной массы населения приобрело странное зигзагообразное движение. Попытки модернизации раз за разом отбрасывались, шли трудно, со скрипом и на совершенно иной основе, чем, например, на Западе. Развитие промышленности не сопровождалось ростом гражданских свобод, но напротив, еще большим закабалением населения, свободомыслие неукоснительно изгонялось, принуждение к труду осуществлялось внеэкономическими средствами и т.д. Новшества чаще принимались и распространялись для утверждения старых структур и ценностей, что превращало модернизацию в традиционализирующий ее тип. Иными словами, модернизация проводилась в основном на уровне средств, при игнорировании необходимости соответствующего сдвига в ценностях [11, с. 81-82].

В купеческой среде губерний Урала в дореформенный период не сложились единые сословные интересы, цели, программы действий. Стоит согласиться с исследователями, утверждающими, что в первой половине XIX в. шел процесс внутрисословной дифференциации на более узкие группы [20, с. 142], что означало довольно четкое внутреннее обособление в купеческой среде предпринимателей с различным вероисповеданием, купцов разных гильдий, выходцев из различных регионов и т.д. Малочисленность купечества, преобладание в его рядах представителей 3-й гильдии также снижали сословную активность региональных предпринимателей. Уральские купцы не воспринимали себя полноправной частью городского общества, что препятствовало осуществлению ими через органы городского самоуправления каких-либо мероприятий, способствующих серьезному переустройству городского хозяйства, быта или культуры. В совокупности с низким образовательным и культурным уровнем перечисленные качества купеческого населения делали невозможным его сознательное участие в каких-либо правительственных модернизационных инициативах экономического, политического или социокультурного плана [1, с. 202; 3, с. 175-176].

Перечисленные обстоятельства вполне оправдывают ту модель исторического развития российского провинциального купечества, которая была обозначена выше как эволюционная. Купечество Вятской, Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период было внутрисословно разрозненно и, как правило, безынициативно. Предприниматели демонстрировали низкий уровень готовности к добровольной ассоциативной деятельности, являлись аккумуляторами и проводниками традиционных ценностей, в связи с чем не пользовались особенной любовью властей. В такой ситуации купечеству оставалось лишь пассивно приспособляться, привыкать к меняющимся условиям своего повседневного существования, максимально сохраняя при этом свою этноконфессиональную и родовую идентичность.

Список литературы

1. Банникова Е. В. Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2009. 238 с.
2. Банникова Е. В. Нарративные и статистические источники о благоустройстве городов Урала в первой половине XIX века // История науки и техники. 2008. № 10. С. 54-67.
3. Банникова Е. В. Повседневная жизнь уральского купечества в первой половине XIX века. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2010. 206 с.
4. Банникова Е. В. Развитие частной промышленности уральских губерний в первой половине XIX века // Проблемы и перспективы социально-экономического развития региона: сб. науч. статей. Оренбург, 2005. Вып. 2. С. 7-17.
5. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития: опыт транссистемной теории // Восток – Запад – Россия: сб. статей. М.: Прогресс-традиция, 2002. С. 109-128.
6. Бугалин А. В. Постмодернизм устарел // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 3-15.
7. Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит. М.: МГУДТ, 2010. 269 с.
8. Гавров С. Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.
9. Малков С. Ю. Методологические аспекты логико-математического моделирования социально-исторических процессов // Эволюция. 2003. № 1. С. 42-45.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи: XVIII – начало XX вв.: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 547 с.
11. Модернизация в России и конфликт ценностей / РАН, Ин-т философии; ред. С. Я. Матвеева. М., 1993. 250 с.
12. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: модернизация Западной Европы с XV в. по 1980 г. / Г. А. Дидерикс, И. Т. Линдблад, Д. И. Ноор-дам и др. М.: РОССПЭН, 1998. 261 с.
13. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004. 496 с.
14. Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история: обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. С. 146-168.
15. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
16. Российский старый порядок: опыт исторического синтеза: материалы круглого стола // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43-93.

17. **Ростов В. В.** Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Изд-во Фредерика А. Прегера, 1961.
18. **Турен А.** Возвращение человека действующего: очерк социологии / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
19. **Федотова В. Г.** Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. 255 с.
20. **Фриз Г.-Л.** Социальная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веки историографии последних лет: императорский период: антология. Самара, 2000. С. 121-162.
21. **Цапф В.** Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 16-17.
22. **Штомпка П.** Социология социальных изменений / пер. с англ. А. С. Дмитриева; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 180 с.
23. **Lerner D.** The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. Glencoe, Ill.: Free Press, 1958.
24. **Levy M. J.** Modernization and the Structure of Societies. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1966. 735 p.
25. **Levy M. J.** Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Moore W. and Cook R. M. Readings on Social Change. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1967. P. 196-201.
26. **Piirainen T.** Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. Aldershot, Brookfield, USA; Singapore, Sydney: Dartmouth, 1997. 62 p.

MODERNIZATION AND EVOLUTION: APPROACHES TO STUDYING EVERYDAY LIFE OF PRE-REFORM PROVINCIAL MERCHANT CLASS OF URAL PROVINCES

Elena Vadimovna Bannikova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Orenburg State Pedagogical University
ida777@yandex.ru

The author reveals the semantic content of the different models of historical development within the limits of modernization theory and pays special attention to the degree of the correspondence of the state of provincial pre-reform merchant class of Ural provinces to the criteria of different modernization conceptions.

Key words and phrases: modernization theory; linear, multi-linear, actor and partial modernization models; “overtaking” modernization; “lagging” social evolution; everyday life; provincial merchant class.

УДК 304.5

Статья посвящена анализу различных подходов к определению сущности цивилизации, актуальности цивилизационных концепций в современном мире. Автор рассматривает проблему совместимости стадийного и локального подходов к цивилизации.

Ключевые слова и фразы: цивилизация; идентичность; локальные цивилизации; историческая стадия.

Надежда Алексеевна Бутенко, к. филос. н., доцент
Кафедра философии
Сургутский государственный университет
butenko98@rambler.ru

К СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ КОНЦЕПТА «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»[©]

Актуальность рассмотрения цивилизационных концепций заключается не только в плане их изначальной онтологической сущности, но и в том плане, что реальной тенденцией современности является становление цивилизаций субъектами глобального мирового процесса. При переходе к территориальному принципу организации этноколлективной жизни, в условиях обострения конкуренции за обладание территориями в зависимости от конкретных региональных обстоятельств, геополитической ситуации внутренней меры развитости в каждой из создаваемых этносами цивилизаций отношений господства и подчинения скрывались два типа политических отношений между этносами по поводу территории обитания: коалиции этносов, основанные на солидарности наступательных действий, и оборонительные политические союзы [3, с. 31]. Так как цивилизации являются результатом взаимодействия этносов, следовательно, охарактеризованные этнополитические объединения выступили предпосылками образования двух противоположных типов цивилизаций: наступательного и оборонительного. Наступательные союзы этносов строились и внутри себя по принципу доминирования относительно более сильных и подчинения относительно более слабых в военнополитическом плане этносов. Такого рода коалиции обычно строятся как межгосударственные объединения.

• Формирование цивилизационных теорий происходило в рамках двух параллельно развивающихся направлений: западной общественной мысли и науки. Авторы культурно-материалистической школы